
Д. Л. СПИВАК

Матричные построения в стиле «плетения словес»

Матричное построение представляет собой своеобразную единицу синтаксиса, основанную на строго упорядоченных параллелизмах (в первую очередь грамматических, семантических, а также звуковых). В общей форме оно сводится к воображаемой таблице — матрице, закономерно организующей структуру существенных фрагментов текста и, возможно, небольших целых текстов. Отсюда следует вопрос, входили ли матричные построения в намерения авторов, и если да, то какие и подлежат ли они филологической реконструкции. Разработке данного предмета на материале стиля «плетения словес» и посвящена настоящая работа.

Теоретико-методологическая основа понимания стиля «плетения словес» заложена в трудах Д. С. Лихачева (1979. С. 111—129)* и С. Матхаузеровой (1976. С. 85—90). Вполне разделяя концепции этих авторов, обобщающих достижения целого ряда исследователей, отметим аспект, имеющий особое значение для темы настоящей работы. Использование параллелизмов, не чуждое древнерусской литературе на всем протяжении ее развития, достигает апогея в стиле «плетения словес» XIV—XV вв. Это положение особо значимо для нас, поскольку опорным признаком при реконструкции матричных построений являются параллелизмы.

Образцовым сочинением стиля «плетения словес» признаются труды Епифания Премудрого. Изучая то, как распределяются по тексту параллелизмы, ученые пришли к выводу, что они концентрируются вокруг положений и ситуаций, играющих в повествовании особо важную, ключевую роль (Дробленкова, Прохоров, 1988. С. 211—220, ср.: Панченко, 1984. С. 91—93). При этом отмечается уверенное использование разнообразных риторических фигур.

Исключительная упорядоченность таких скоплений параллелизмов привлекла специальное внимание ряда исследователей. Приемы их выделения в тексте были намечены в содержательной статье Л. А. Дмитриева (1964). Задача реконструкции лежащих в их основе структурных схем была поставлена О. Ф. Коноваловой (1966; 1970). Ею же высказано предположение, что таким схемам могли соответствовать узоры плетеного орнамента, часто применявшегося для оформления книг времен «плетения словес». К сожалению, эта задача не была достигнута полностью. Схемы, реконструированные исследовательницей, не обнаруживают существенных отличий от схем традиционного грамматического разбора.

* Полные библиографические ссылки приведены в конце статьи в алфавитном порядке фамилий авторов.

По сути, перспективное направление разработки этой парадигмы было намечено в работе И. С. Улуханова. Анализируя тексты, построенные на параллелизмах, он применял расстановку соотносимых слов друг над другом. Вот как был формализован один из отрывков стиля «плетения словес»:

«вкупе	жихъ	съ	тобою
вкупе	и умру	съ	тобою
уность	не отъиде	отъ	насъ
старость	не постиже		насъ»

(Улуханов, 1972. С. 49; структурно аналогичные примеры: с. 49—51; древнерусская и старославянская орфография здесь и далее упрощена). Фактически отрывок расписан в таблицу (матрицу) размерностью 4 × 4. Характер ее заполнения облегчает лексико-грамматический анализ параллелизмов и не исключает сравнения со структурой плетеного орнамента. К сожалению, эти возможности не были замечены исследователем.

Изложенное выше не исчерпывает перспективных результатов, достигнутых в отечественном литературоведении (более подробные сведения и библиографию содержит фундаментальный «Словарь книжников и книжности Древней Руси» (1988), в особенности уже упомянутая статья Н. Ф. Дробленковой и Г. М. Прохорова). Однако оно дает адекватное представление об основаниях, позволивших высказать предположение о наличии матричных построений в стиле «плетения словес». Обратимся к его разработке.

По общему мнению исследователей, лучше всего стиль Епифания Премудрого представлен житиями Сергия Радонежского и Стефана Пермского. В соответствии с канонами агиографического жанра внимание читателя переносится с житейских поступков и личностных черт на духовные и внеличностные. Ключевыми в этом плане являются основание Троице-Сергиева монастыря — для одного и крещение Перми — для другого. Рассмотрим, как раскрываются эти сюжеты в текстах.

Итак, вначале Сергий Радонежский — тогда еще отрок Варфоломей — основывает вдвоем с братом пустыню: «¹Обходиста по лесом многие места ²и последи приидоста на едино место пустыни, въ чашах леса, имуща и воду. ³Обышедша же место то и възлюбиста е, паче же Богу наставляющу их. ⁴И сътвориша молитву, начаста своима рукама лес сеци, и на раму своєю бервьна изнесоша на место. ⁵Прежде же себе сътвориста одрину и хизину ⁶и покрыста ю, ⁷потом же келию едину създаста, ⁸и обложиста церквицу малу, ⁹и срубиста ю» (цит. по: ПЛДР, 1981. С. 294. Далее указываются только страницы).

Опорным признаком при разборе отрывка являются выделенные нами глагольные формы на «-ста». В непосредственной близости от отрывка — ни до, ни после него — эти формы не встречаются. Между тем они должны были бросаться в глаза тогдашнему читателю, поскольку к XIV в. как двойственное число, так и аорист, передаваемые ими, исчезли из разговорного языка. Синтагма, относящаяся к каждому такому глаголу, обозначается нами надстрочной цифрой, помещаемой перед первым ее словом.

Таким образом, текст разделяется на три части — выбор места, постройка дома, возведение церкви, последовательно представленные синтагмами 1—3, 4—6, 7—9. Каждая из частей в свою очередь разделяется на начало, середину и конец. К примеру, синтагмы 1—2—3 передают такую последовательность: обходиста места — приидоста на место — възлюбиста место то. В итоге каждая синтагма входит в два ряда отношений: причинно-следственные (с остальными двумя синтагмами своей триады) и коррелятивные (с синтагмами, стоящими на том же месте в других триадах).

Наиболее корректным способом разбора такого текста будет его мысленное помещение в таблицу из 3 строк и 3 столбцов (схема 1, см. Приложение).

Правильность разбивки текста по триадам подтверждается дальнейшим изложением. Срубив церковь, отрок задается вопросом, во чье имя ее посвятить. Брат напоминает ему о его особой связи со св. Троицей, говорит о ее трикратном и троичном действии, что и решает дело.

Итак, разобранный отрывок описывает то, что на современном научном языке называется сакрализацией пространства. Далее указывается, что оно совершено во имя и под покровительством св. Троицы. Вернувшись к отрывку, внимательный читатель замечает, что и сам отрывок записан в виде тройки троек (3 × 3). Следовательно, он максимально адекватен своему возвышенному предмету и при надлежащем чтении сакрализует сознание.

С течением времени пустыня превращается в небольшой монастырь: «И паки откуду кто начаался сего, еже бо место то было прежде ¹лесъ, ²чаща, ³пустыни, ⁴идеже живяху зайци, лисици, волци, ⁵иногда же и медведи посещаху, ⁶другоици ж и бесы обретахуса, ⁷туда же ныне церковь поставлена бысть, ⁸и монастырь великъ възграженъ бысть, ⁹и инокъ множество съвокупися, ¹⁰и славословие и в церкви, ¹¹и в келиах, ¹²и молитва непрестающа къ Богу?» (С. 336).

Отрывок отчетливо выделяется в окружающем тексте как риторический вопрос, разросшийся за счет однородных членов и параллельных конструкций. Соответственно опорным признаком при разборе принимаются близкие по значению слова, принадлежащие одной части речи и несущие одну синтаксическую функцию. Таким образом выделяются 4 триады: первая (синтагмы 1—3) описывает место, вторая (4—6) — его прежних обитателей, третья (7—9) — новых хозяев и четвертая (10—12) — их занятия.

В рамках каждой триады характер параллелизма сохраняется, а при переходе к другой триаде — сменяется новым. Так, первая триада основана на однородной именной части составного именного сказуемого (лес—чаща—пустыни). Во второй триаде мы видим придаточные части места (в образующемся сложноподчиненном предложении), параллелизм которых усилен краесогласием сказуемых (зайцы живяху—медведи посещаху—бесы обретахуса), и. т. п.

Отметим, что, на первый взгляд, построение синтагмы 4 противоречит нашему разбору. Вместо одного существительного их там три — зайцы, лисицы, волцы. Однако их не с чем путать. До этого идет синтагма 3, принадлежащая другому смысловому ряду (пустыни). После этого, в синтагме 5, говорится о медведе. В отличие от других зверей, он связан с Сергием совершенно особой связью: чуть дальше автор приведет и его греческое название и поведает знаменитое «чудо о медведе». На этом основании можно утверждать, что синтагма 4 не нарушает матричной структуры.

В пределах каждой триады происходит градация от повседневного — к сверхъестественному. Так, зайцы — существа менее дивные, чем медведи, а те в свою очередь — чем бесы, и т. д. В итоге каждая синтагма опять входит в два ряда соответствий, наиболее корректным способом представления которых является таблица (схема 2, Приложение).

Следует подчеркнуть, что речь идет не об аморфной последовательности триад, но именно о структуре 3 × 4. В пользу этого положения говорит предпринятое незадолго до разбираемого фрагмента отступление, посвященное достоинствам числа 12. Автор говорит о 12 ветхозаветных племенах, 12 апостолах, об особых усилиях ограничить число братии двенадцатью

(«...ниже боле сего умножашеся, ниже менши сего умаляхуся... да не число истощимо обрящется». С. 334). Между тем число 12 — это именно четыре тройки.

Итак, сходство разбираемого отрывка с предыдущим в том, что оба описывают сакрализацию (освящение) пространства, а различие — в разных нумерологических моделях, взятых при этом за основу.

С течением времени монастырь пришел к расцвету: «Паки же по днех, непущую яко въ днех княжения князя великого Ивана, сына Иваня, брата же Симионя, ¹ тогда начаша приходити христиане, ² и обходити сквозе вся леса оны, ³ и възлюбиха жити ту. ⁴ И множество людей всхотевше, начаша съ обаполы места садитися, ⁵ и начаша сеци лесы оны, яко никому не възбраняюще им. ⁶ И сътвориша себе различныя многыя почины, ⁷ прежде реченную исказиша пустыню ⁸ и не пощадеша, ⁹ и сътвориша пустыню яко поля чиста многа, яко же и ныне нами зрима суть, ¹⁰ и съставиша села и дворы многы, ¹¹ и насеяша села, ¹² и сътвориша плод житень, ¹³ и умножишася зело, ¹⁴ и начаша посещати ¹⁵ и учящати въ монастырь, приносяще многообразная и многоразличнаа потребования, имь же несть числа» (С. 340, 342).

Отрывок, к анализу которого мы переходим, четко выделен в тексте. Синтагме 1 непосредственно предшествует хронологическая справка, а сразу же после синтагмы 15 автор заявляет, что оставляет данную тему и переходит к другой.

Опорным признаком при разборе являются выделенные нами глагольные формы на «-ша», передающие третье лицо множественного числа аориста. Ввиду исчезновения этого времени из разговорной речи к XIV в., его формы, как уже говорилось, были маркированы для читателя. Отметим, что если вспомогательный (фазисный) глагол обслуживает несколько полнозначных (инфинитивов), то синтагмы определяются именно по ним (например: ¹начаша приходити ²и обходити; аналогично синтагмы 14—15). Наличие возвратной частицы ввиду ее относительной самостоятельности не учитывается («умножишася» в синтагме 13).

По указанному признаку отрывок опять разбивается на триады. Первая описывает выбор места, вторая — его обживание, третья — расчистку полей, четвертая — их воздвизание, пятая — результаты трудов. Очевидная градация наблюдается и в пределах каждой триады. Это приводит нас к схеме 3 (Приложение).

Таким образом, в разобранный отрывке выделяются 15 синтагм, сгруппированных в построении 3 × 5. В этой связи следует обратить внимание, что в предложении, непосредственно предшествующем цитированному тексту, число 15 называется и прямо («и аще жившим имь донде же испльнишася дние лет, яко, мноу, множае пяти на десяти»). Разумеется, это могло получиться случайно. Однако на фоне исключительной нумерологической упорядоченности текста такое указание могло быть и намеренным.

Таковы в общих чертах наши наблюдения над тем, как в тексте жития проводится тема сакрализации пространства. Разумеется, на этом она не завершается. В дальнейшем повествовании не раз рассказывается об основании менее значительных монастырей — Андроникова, Симоновского и ряда других (С. 370, 378, 382, 388, 390). Как в общей структуре их описания, так и в композиции отдельных фрагментов прослеживаются неоднократные схождения с разобранными отрывками. Однако табличного построения все же не отмечается. По-видимому, автор полагал, что, ознакомившись с основными структурными схемами на идеальном примере

основания Троице-Сергиева монастыря, вдумчивый читатель сможет применить их и в других аналогичных случаях. Впрочем, нельзя исключить, что эти описания были просто подвергнуты сокращению при редактировании текста, предпринятом Пахомием Логофетом.

Перейдем к рассмотрению жития Стефана Пермского, также составленного Епифанием Премудрым. Одним из лейтмотивов жития является крещение Перми. Но для этого сперва «¹должно есть взыскovati ²и испытovati ³и известно оуведати, о пермьской земли ⁴где есть, ⁵и в киих местех отстоить, ⁶и промежи кыми пределы поведается, ⁷и которыя реки обиходять ю, ⁸и проходят сквозе ню, ⁹и которыи языцы обьседять ю с живущими в суседах около ея» (Епифаний Премудрый, 1897. С. 9).

Несомненно, цитированный текст значительно менее содержателен, чем любой из трех отрывков, разобранных выше. Однако его трудно считать и простым риторическим украшением. Сразу же за отрывком следующая дельная этнографическая и географическая справка о Перми, делающая честь эрудиции автора. В общих чертах она соответствует вопросам, поставленным в отрывке, что позволяет видеть в нем набросок плана сбора данных. Разбор текста не отличается существенно от проведенных выше: его результат представлен в схеме 4 (Приложение).

Таким образом, делимитация (ограничение) пространства проведена. Наступает черед его сакрализации. На пермской земле основывается первая церковь: «Тоиж основане бывши и поставлене, ¹юже възгради премногою верою, и теплотою преизлишняа любви, ²юже въздвиже чистою совестию, ³юже създа горящим желанием, ⁴юже украси всяким украшением, яко невесту добру и преукрашену, ⁵юже исполни исполнением церковным, ⁶юже свяща по свершении исполнении, священством великим, ⁷юже сотвори высоку и хорошу, ⁸юже устрои красну и добру, ⁹юже изнаряди чюдну в правду и дивну» (Епифаний Премудрый, 1897. С. 22—23).

Отрывок четко выделяется в окружающем тексте скоплением выделенных нами форм относительного местоимения («юже»). Его девятикратное повторение обуславливает разбивку текста на 9 синтагм. В свою очередь они группируются в триады: первая (синтагмы 1—3) описывает мотивы, вторая (4—6) — действия и третья — их результаты. В пределах каждой триады наблюдается градация от менее духовного — к более. В итоге формируется схема 5 (Приложение).

Остановимся на построении первой триады. В принципе, для православного читателя, вера—(надежда)—любовь (1) более возвышенна, чем совесть (2) и тем более желание (3). Не правильнее ли было бы поэтому построить градацию (3—2—1), а не (1—2—3), как в нашей схеме?

По нашему мнению, эпизодические отступления от строгого порядка заполнения матрицы были допустимы. По всей видимости, это позволяло освежать (или подчеркивать) присущую матрицам монотонность. Тенденция к эпизодическому варьированию твердых форм известна историкам литературы и искусства. Однако в данном случае предполагать наличие перестановки нет необходимости.

Дело в том, что мировоззрению Елифания Премудрого присуще отличие суетных, мирских желаний — от желаний, угодных Богу и внушенных Им («...се Господь Бог не остави мене и желание сердца моего дал ми», см.: ПЛДР, 1981. С. 295). В задачу жития, собственно, и входит показать, как вера Стефана претворяется в желание крестить пермяков, а потом и в его исполнение. Это логика появляется и в другом месте жития Стефана Пермского, специально посвященном вере—надежде—любви. Упомянув о желании героя угодить Богу, автор указывает надежное средство

к тому: «...и обретется ему трое се: вера, любы, надежа». После этого исполнение желания возможно, ибо «...верующему вся возможна суть; имейте веру, не усумнитесь, но аще и горе сей речете, въздоимися и вверзися в море, и будет вам» (Епифаний Премудрый, 1897. С. 55; ср.: Мф. 21: 21).

Таким образом, мы считаем возможной расстановку синтагм в матрице: (1—2—3). На этом примере видно, как матричный подход дополняет традиционный анализ.

Об основании второй церкви говорится кратко и без параллелизмов. Упоминается, что она «добра», «чюдна» и поставлена «по образу предреченному указанному» (Епифаний Премудрый, 1897. С. 34). Первая характеристика уже встречалась в синтагме 8 разобранного отрывка, вторая — в синтагме 9, а третья отсылает к нему уже прямо. Об основании последующих церквей говорится еще короче: они ставятся «так же» (сице). Таким образом появляются новые доводы в пользу того, что структурная схема задает образец для последующих аналогичных действий.

Усилия героя увенчались успехом: «...поставь его епископом в Пермскую землю, ¹юже и просвети святым крещением, ²юже научи вере христианстей, ³в неиже исповеда имя Божие пред нечестивыми, ⁴в неиже проповеда святое Евангелие Христово, ⁵в неиже съдеа дела странна страшна и преславна, ⁶ихже ин никтоже тамо преже его съдеа ⁷в неиже идолы попра, ⁸святыя церкви воздвиже, ⁹и богомолию устрои, ¹⁰и святыя иконы постави, ¹¹и люди Богу кланяться научи: ¹²сиа же люди, яже от прельсти избави, ¹³от бесов отведе, ¹⁴и к Богу приведе, ¹⁵сим людем поставлен бысть епископ и архиереи, ¹⁶над сими людьми поставлен бысть святитель и законодавец, [якож Давид веща: постави, Господи, и законодавца над ними, да разумеют языцы, яко человеци суть]» (Там же. С. 61).

Отрывок четко выделен в тексте. Ему предшествует сообщение о назначении Стефана; за ним следует соответствующая цитата из Священного Писания, которую мы обозначили квадратными скобками. Заметим, что симметричность этого обрамления выделена и в лексико-грамматическом отношении: поставь... епископом — постави... законодавца.

Опорным признаком при разбивке отрывка являются глаголы (как знаменательные, так и вспомогательные), выделенные нами. Соответственно количеству глаголов выделяются 16 синтагм. Большинство из них попарно связано звуковым, лексико-грамматическим или смысловым параллелизмом, передающими идею сопоставления (от уточнения — до противопоставления; пример первого — синтагмы 1—2 (просвети крещением — научи вере), второго — синтагмы 13—14 (от бесов отведе — к Богу приведе). В дальнейшем каждую такую пару будем называть бинарной синтагмой.

На указанном основании получаем три триады синтагм, большинство из которых бинарно. Первая триада (1—2, 3—4, 5—6) говорит о словах, вторая (7—8, (...)—9, (...)—10) — о делах, третья — об их результатах. Многоочия во второй триаде проставлены нами не случайно. Исходя из общей структуры текста можно предположить, что на этих местах могли подразумеваться какие-то языческие аналоги богомолий и икон, расширяющие синтагмы 9 и 10 до бинарных. В подтверждение нашего тезиса отметим, что чуть ниже по тексту тройка христианских понятий (церкви—монастыри—богомолия) противопоставлена тройке языческих (храмы—кумирницы—требища) (Там же. С. 62—63). По сути, аналогичный ход мысли возможен и во второй триаде разбираемого отрывка. Наряду с этим не исключено, что автор предпочел не удваивать некоторые синтагмы для разнообразия. В пределах каждой триады наблюдается градация от

начального, простого действия — к завершающему, сложному. На этом основании строим схему 6 (Приложение).

По-видимому, это ретроспективное описание дает образец и для будущей деятельности. Иначе, говоря о трудах Стефана по возвращении в Пермь епископом, автор не отмечал бы ниже, что он «...паки по первое держашеся устроение, и свое обычное дело имеяше...» (Там же. С. 62). Вслед за этим идет длинное перечисление деяний героя, в свободной форме развивающее темы разобранного отрывка.

Матричное построение наиболее ярко проявляется в текстах Епифания, однако не является особенностью его индивидуального стиля. В частности, применялось оно и другим мастером «плетения словес» — Киприаном, который был старшим современником Епифания (общие сведения и библиографию см. в статье «Киприан»: Словарь книжников и книжности Древней Руси, 1988. С. 464—475). Для примера обратимся к созданному при его ближайшем участии житию митрополита Петра (полный текст см. в кн.: Прохоров, 1978. С. 204—215). По благословению наставника, герой жития отправляется основывать монастырь, что и вводит тему сакрализации пространства: «¹Исходить убо от обители ²и объходить округ места она пустыннаа, ³и обретаеь место безмолвно на реце, нарицаемой Рата, ⁴и ту жилище себе въдружаеь, ⁵и труды многы подемлеть, ⁶и болезни к болезнем прилагает, ⁷и поты пролиет. ⁸И церковь въздвизаеть во имя спаса нашего Иисуса Христа, ⁹и келии въставляеь въ пребывание приходящей к нему братии» (Там же. С. 207).

Отрывок отчетливо выделяется в тексте по смыслу. Опорным признаком для его разбора служат выделенные нами глаголы. Таким образом, выделяем три триады, первая из которых (синтагмы 1—3) говорит о поиске места, вторая (4, 8, 9) — о его застройке и третья (5—7) — о личных усилиях героя (слово «болезни» в синтагме 6 следует понимать как «усилия», см.: Срезневский, 1893. С. 149).

Особо следует остановиться на второй триаде. С одной стороны, ни ее внутреннее единство, ни отличие от других триад не подлежат сомнению: жилище въдружаеь — церковь въздвизаеть — келии въставляеь. Как и в пределах других триад, в ней наблюдается градация от начала действия — к его концу. С другой стороны, в построении второй триады наблюдается до сих пор не встречавшаяся нам особенность. Между принадлежащими ей синтагмами 4 и 8 вставлена целиком третья триада (синтагмы 5—7). Это можно проследить по схеме 7 (Приложение).

Такое нарушение строгой последовательности заполнения матрицы эпизодически встречается и у Епифания. Его можно объяснить поэтической вольностью: вставные конструкции обычны в древнерусской литературе, как и в любой другой. Нельзя исключить и попытки особо тесно сплести две темы: тенденция такого рода уже отмечена в стиле «плетения словес» (Лихачев, 1979. С. 122). Внутренняя логика такой конструкции представлена в схеме 7а.

В пользу нашего вывода свидетельствует одна особенность разбираемого отрывка. В синтагме 1 («исходить убо от обители») употреблена частица со значением выделения, объясняемая только из предшествующего текста. В нем читаем: «По времена же, благословениемъ и повелениемъ наставника своего, исходить от обители. Ни бо достоаше таковому человеку не прежде проити вся степени и потомъ на учительскомъ седалищи посадитися» (Прохоров, 1978. С. 207). В цитированном фрагменте обращают на себя внимание два выделенных словосочетания. С учетом их матричное построение вводится следующим образом. Сначала сказано, что герой исходит

от обители, затем — что существуют степени обучения, и, наконец, опять говорится, что Петр исходит от обители. Но на этот раз выделенное таким образом построение уже начинает матрицу, воплощающую в себе упорядоченную постепенность.

В общем, рассмотренные отрывки охватывают незначительную часть текстов, написанных в стиле «плетения словес». Однако проведенная реконструкция укрепляется не числом матричных фрагментов, а их закономерным употреблением. В целом она соответствует ходу разработки проблемы параллелизмов стиля «плетения словес» в отечественном литературоведении.

Внимание Г. М. Прохорова привлекла особая ритмизованность и сегментированность некоторых фрагментов текстов XIV—XV вв. Наряду с фрагментами, не поддающимися матричному разбору, им приводится и следующий: «¹ Блажен град, от благочестивых царей царствуемь, ² а корабль от искусных окормляем, ³ а монастырь от воздержник строим. ⁴ Горе граду, от нечестивых царствуемь, ⁶ а монастырю от сластолюбивых строиму! ⁷ Град убо пленится, ⁸ корабль же разбивается, ⁹ монастыри же запустеют» (1986. С. 210—211; нумерация наша). По предположению Г. М. Прохорова, в тексте выпущена синтагма 5. Как и ранее, мы можем это объяснить либо поэтической вольностью, либо ошибкой переписчика. Во всяком случае, несмотря на это, отрывок укладывается в матрицу 3 × 3 (схема 8, Приложение), а описывает сакрализацию пространства при основании монастыря.

Отметим и содержательное исследование В. В. Колесова, посвященное «плетению словес» у Епифания Премудрого. Оно опирается на фрагменты, структурно аналогичные выделенным нами, а в некоторых случаях и совпадающие (Колесов, 1989. С. 193, 209, 228—229, ср.: Спивак, 1985. С. 229, 230, а также схему 5 в Приложении к настоящей работе). По мнению ученого, триады были важным текстообразующим средством. Под ними понимаются «...однозначные, по-видимому, три слова, которые могут относиться к любой части речи (имени существительному или прилагательному, глаголу или наречию), но слова каждой триады обязательно относились к одной и той же части речи. В предпочтительности определенной части речи — объективное указание на границы триады; смена части речи — момент переключения на новую триаду» (Колесов, 1989. С. 191). Пользуясь нашей терминологией, можно сказать, что исследователь выделяет строки матрицы, но не выделяет ее столбцов, а также размерности и матричного построения в целом.

Заметим в этой связи, что при определении опорных признаков матриц мы пользовались явочным порядком такими категориями, как созвучие, слог, слово, часть речи, синтагма. При этом предполагалось, что их примерные соответствия в рамках представлений о речи времени «плетения словес» входили в круг лингвистической эрудиции или языковой интуиции авторов житий. Основанием для такого предположения послужил анализ лингвистических аспектов стиля «плетения словес», уже предпринятый в упоминавшихся работах Д. С. Лихачева (1979. С. 119—129) и С. Матхаузеровой (1976. С. 85—90). Необходимым контекстом этого анализа являются лингвофилософские предпосылки и корреляты этого стиля, наблюдаемые в византийской традиции (Фрайдак, 1980; ср.: Гаврилов, 1985).

Особого рассмотрения заслуживает соотношение матричных построений с пунктуацией оригинала. С одной стороны, последняя имеет собственную функцию, реализуя своеобразную древнерусскую концепцию связного текста (ср.: Ринберг, 1988). Поэтому она могла совсем не согласовываться со структурой матриц. С другой стороны, для матричных построений не применялось особой нотации (наподобие используемых нами надстрочных цифр

или схем), что отнюдь не делало их заметнее. Поэтому в принципе даже опытный глаз мог нуждаться в некоторой опоре, а она появлялась при общем согласовании пунктуации с матрицами.

Для углубленного рассмотрения этого вопроса, по рекомендации Г. М. Прохорова, мы обратились к рукописям, близко передающим авторскую редакцию. Житие Сергия Радонежского изучалось по списку Софийского собр. (РНБ, № 1493), а житие Стефана Пермского — по списку 1480 г. из собр. Вяземского (РНБ, Q № 10). Подробнее об этих списках см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси, 1988. С. 214, 331.

В списке жития Сергия Радонежского в качестве знаков препинания используются: точка, запятая и эпизодически — пробел между словами, размером примерно в одну широкую букву (естественно, что, совпадая с одноименными знаками препинания в современной орфографии по внешнему виду, они качественно отличаются по употреблению).

В схеме 1 представлено 9 синтагм. Соответственно, если учитывать начало матричного построения, его внутреннее деление и конец, то образуется 10 возможных точек, где можно было ожидать знак препинания. Обратившись к тексту рукописи (РНБ, № 1493, л. 139 об. — 140), обнаруживаем, что он действительно стоит в 9 случаях (из них 8 точек, 1 запятая) и отсутствует в 1 случае (между синтагмами 8 и 9).

В ритмическом отношении синтагмы 8—9 подобны синтагмам 5—6: «⁸ и обложиста церквицу малу ⁹ и срубиста ю», ср.: «⁵(...) сътвориста одрину и хизину ⁶ и покрыва ю». Однако в последнем случае их разделяет знак препинания, а в первом — нет. В грамматическом отношении оба случая идентичны: мы видим два соседних фрагмента «цепного нанизывания», обычного для древнерусского синтаксиса. Поэтому логичнее было бы, если бы пунктуация обоих отрывков совпадала. Оставляя выяснение этого вопроса до рассмотрения других списков, мы считаем, что отсутствие знака препинания в данном случае не противоречит матричному анализу.

В схеме 2 из 13 возможных мест на 9 стоит знак препинания (из них 8 точек, 1 запятая). Из остальных случаев один вполне аналогичен только что рассмотренному. В тексте читаем: «⁷(...) церковь поставлена бысть ⁸ и монастырь великъ възгражень бысть ⁹ и инокъ множество съвокупися» (Там же, л. 184—184 об.). И ритмически, и грамматически естественно было бы ожидать знаков препинания до и после каждой синтагмы. Действительно, они всюду стоят, кроме как перед синтагмой 8. Как и в предыдущем случае, мы не считаем его отсутствие существенным для матричного построения.

Иначе обстоит дело с синтагмами 1—3, 10—11 («¹(...) лес ²чаща ³пустыни», «¹⁰(...) и в церкви ¹¹и в келиях») (Там же). С одной стороны, в древнерусских текстах в таких случаях (т. е. между однородными членами) знаков препинания не полагалось; нет их и в рукописи. С другой стороны, в этих перечислениях четко выражена градация (так, о градации понятий «лес» и «пустыня» у Елифания пишет Д. С. Лихачев, 1979. С. 127). Если же градация есть, то члены ее непременно распределяются по соседним клеткам матрицы (для этого она и предназначена).

Такая трудность периодически встречается в наших разборах. Ее решение однозначно. В случае, если однородные члены являются носителями опорных признаков для построения матрицы, отсутствие пунктуации между ними считается несущественным. Заметим, что это — единственный случай, где матричный анализ расходится с пунктуацией. Он соответствует тенденции, сложившейся в исследовании «плетения словес». Так, изучая цепочки одно-

родных членов у Епифания Премудрого, Д. С. Лихачев отмечает, что в ряде случаев их однородность содержит «последовательность действия или развития», причем часто «...перед нами не простое развитие, а как бы усиление» (Там же). В. В. Колесов считает анализ «градационного ряда перечисления признаков», присущего и однородным членам, ключевым для характеристики писательской техники Епифания (1989. С. 203). Распределяя эти «градационные ряды» по столбцам матрицы, мы лишь проявляем реально присущие тексту признаки, не совершая над ним насилия.

В схеме 3 из 16 возможных мест на 15 стоит знак препинания (из них 11 точек, 3 запятых, 1 явный пробел). Граница между синтагмами 14 и 15 остается спорной, поскольку приходится на конец строки.

В списке жития Стефана Пермского из знаков препинания используется точка.

Схема 4 начинается с красной буквы (что для данной рукописи необычно) и основана на четкой градации, охватывающей фонетику, семантику и грамматику (взысковати—испытovati—известо оуведати; где — в киих местех — промежи кыми пределы; обиходять ю—проходять сквозе ню—обьседать ю). Однако из 10 возможных мест только 6 заняты точками (слитно написаны синтагмы 1—3, 4—5, 7—8). Этого конечно слишком мало, и матричное построение здесь приходится оставить под вопросом до изучения других списков.

В схеме 5 матричное построение совпадает с пунктуацией: все 10 возможных мест заняты точками.

В схеме 6 из 17 возможных мест на 13 стоят точки, один случай спорный (конец синтагмы 14 приходится на конец строки). Случаи слитного написания (синтагмы 5—6, 7—8, 13—14) не отличаются принципиально от разобранных выше и полагаются несущественными.

Заметим, наконец, что в некоторых из разобранных фрагментов встречаются и сверхсхемные (т. е. «лишние» по отношению к матричным построениям) знаки препинания. Их немного (в среднем один на матрицу), и обычно они выделяют короткое суждение, пояснительное по отношению к ходу рассказа. Примеры: «обышедша же место то и възлюбиста е. паче же Богу наставляющу их» (схема 1, синтагма 3); «и сътвориша пустыню яко поля чиста многа. яко же и ныне нами зрима суть» (схема 3, синтагма 9; пояснительные суждения выделены нами). Такие небольшие отклонения (так сказать, ремарки) не нарушают матричного построения.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что совпадение матричных построений с пунктуацией исследованных списков оказалось удовлетворительным. Выявленные отклонения были ограничены и объяснимы. Здесь можно заметить, что известное расхождение ритма и метра принадлежит к числу филологических универсалий. Открыв любую страницу «Евгения Онегина», мы обнаружим достаточно стоп и с пропуском ударения (пиррихийев), и со сверхсхемным ударением (спондеев). Но это никак не отменяет того факта, что поэма написана 4-стопным ямбом.

Переходя к выводам, отметим, что матричные построения употребляются систематично и целесообразно, а потому подлежат филологической реконструкции. Их основной функцией является полное подчинение текста излюбленным в данной культуре сакральным числам (особенно 3, 4, 5, 12, 15) и их соотношениям (3 : 3, 3 : 4, 3 : 5). Для достижения этого тема делится на ряд действий (состояний), которые устроены все одинаково. Каждое состоит из одного и того же числа синтагм, расположенных в одноподчиненной (восходящей, нисходящей и пр.) градации и скрепленных параллелизмами. Число таких синтагм, вместе с количеством членов градации,

и соответствует сакральным числам, пронизывающим в результате весь этот фрагмент текста.

Можно предположить, что знакомство с матричными построениями воспитывало у внимательного читателя умение мыслить и принимать решения, т. е. выполняло функцию, аналогичную некоторым разделам современной логики или политологии.

Как мы пытались показать, в тексте житий эпизодически появляются указания на матричные построения, в основном через опорные для них числа. Однако прямого указания на их применение пока не найдено. На то может быть две возможные причины. С одной стороны, Елифанний Премудрый мог не строить матричное построение в каждом случае *ad hoc*, а просто механически имитировал уже готовую ритмико-синтаксическую конструкцию, заимствованную из литературной практики Тырновской школы, а скорее всего, — прямо из византийской словесности. Наличие матричных построений в этой традиции может обсуждаться, однако составляет предмет отдельной работы.

С другой стороны, в любой традиционной культуре — в том числе и древнерусской — было сильное стремление пронизать градостроительство, архитектуру, орнамент, платье, а затем и другие сферы культуры сакральными числами (и их пропорциями). Делая то же в словесности, Елифанний мог полагать свое стремление само собой разумеющимся. Во всяком случае, разнообразные приемы проведения нумерологии в текстах отмечены историками литературы в самых разных традициях (ср.: *Silent poetry*, 1970).

Возможно также сочетание обеих причин. Нельзя исключить и того, что прямые указания на матричные построения будут обнаружены в труде какого-либо позднего кодификатора, по лингвофилософским воззрениям близкого к Евфимию Чудовскому.

Во всяком случае, не будет ошибкой предположить, что решающим для усвоения матричных построений был не грамматический разбор, а практическое применение, иначе говоря, — устное чтение.

По-видимому, можно полагать, что для чтения житийной литературы времен «плетения словес» был свой, так сказать, чин (ср.: Лихачев, 1979; Берман, 1982; Прохоров, 1987). Рассматриваясь как особо значимые, душеполезные тексты, жития читались в особо выбранное время, многократно, в состоянии благоговейной сосредоточенности, и вслух. В отрывках, подобных привлечшим наше внимание, насыщенность параллелизмами, предъявлявшая особые требования к речевому дыханию, накладывалась на многозначительное, возвышенное содержание (в современном литературоведении для характеристики общего настроения таких фрагментов применяются выражения типа «панегирическая медитация», см.: Дробленкова, Прохоров, 1988. С. 213; ср.: Петрова, 1986. С. 65). В результате присущие матрицам строгие градации могли ощущаться более выпукло, чем при теперешнем беглом чтении «глазами».

Отметим, что такому результату могла способствовать привычка к псалмопению, распространенная как в духовной, так и в светской среде. Дело в том, что жития, в особенности написанные Елифанием Премудрым, изобиловали реминисценциями и цитатами из псалмов (Вигзелл, 1971). Поэтому в чтении житий могли отразиться как своеобразные навыки дикции, так и общее медитативное настроение, свойственные псалмопению. Проблема того, в какой мере отмеченная названным исследователем систематическая неточность в цитатах из псалмов связана с их помещением в контекст матричных построений, подлежит особому рассмотрению.

Не следует недооценивать и того, что как Елифаний, так и митрополит Киприан были исихастами. Учение, которого они придерживались, было на подъеме и занимало ведущее место в культурной и общественной жизни Руси того времени. Последнее не является преувеличением, поскольку в исихазме не было какого-либо принципиального запрета на приобщение не только духовных лиц, но и мирян к иной раз совсем не простым концепциям и практикам (специфика этого периода более подробно рассмотрена в работах: Лихачев, 1962; Прохоров, 1968; Прохоров, 1978). Между тем константой исихазма на всем протяжении его исторического бытия было согласование фонации текстов с дыханием (Мейендорф, 1985. С. 332; ср.: Кривошеин, 1986; Мейендорф, 1974; Минин, 1915). В случае если эта константа отразилась при чтении матричных текстов, ее можно было бы рассматривать как способ укоренения сакральных числовых пропорций в теле, как род «низведения ума в сердце».

В принципе возможность такого сближения в исихазме допустима. Так, в Слове LXVIII Симеона Нового Богослова подробная инструкция о способе дыхания предпослана части текста, допускающей матричный разбор. Сопоставимая тенденция обнаруживается в главах 1—7 второй сотницы Естественных психологических глав об очищении ума, принадлежащих перу Никиты Стифата. Впрочем, здесь нужно сразу оговориться, что названные тексты созданы в иной лингвофилософской ситуации и на качественно отличном этапе развития исихазма. Поэтому они могут служить не более чем полезным контекстом при изучении того, как читались скопления параллелизмов в стиле «плетения словес» (подробнее см.: Спивак, 1989. С. 64—79).

В настоящей работе предпринята попытка поставить вопрос о матричных построениях в стиле «плетения словес». Как мы попытались показать, он укоренен в отечественной литературоведческой традиции, позволяет сделать полезные дополнения к пониманию древнерусских текстов и обладает определенными перспективами дальнейшей разработки.

Автор приносит благодарность Г. М. Прохорову и академику Д. С. Лихачеву за ценные замечания, учтенные в тексте настоящей работы, и академику Н. П. Бехтеревой — за благосклонное содействие в ее завершении.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Схемы матричных построений

1	2	3
4	5	6
7	8	9

Схема 1

1	2	3
4	5	6
7	8	9
10	11	12

Схема 2

1	2	3
4	5	6
7	8	9
10	11	12
13	14	15

Схема 3

1	2	3
4	5	6
7	8	9

Схема 4

1	2	3
4	5	6
7	8	9

Схема 5

1—2	3—4	5—6
7—8	(...)—9	(...)—10
11—12	13—14	15—16

Схема 6

1	2	3
4		
5	6	7
	8	9

Схема 7

1	2	3
4	5	6
7	8	9

Схема 7а

1	2	3
4	5	6
7	8	9

Схема 8

Библиография

- Берман Б. И. Читатель жития: (агиографический канон русского средневековья и традиции его восприятия) // *Художественный язык Средневековья* / Ред. В. А. Карпушин. М., 1982. С. 159—183.
- Вигзелл Ф. Цитаты из книг священного писания в сочинениях Епифания Премудрого // *ТОДРЛ*. Л., 1971. Т. 26. С. 232—243.
- Гаврилов А. К. Языкознание византийцев // *История лингвистических учений: Средневековая Европа* / Ред. А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон. Л., 1985. С. 109—156.
- Дмитриев Л. А. Нерешенные вопросы происхождения и истории экспрессивно-эмоционального стиля XV в. // *ТОДРЛ*. Л., 1964. Т. 20. С. 72—90.
- Дробленкова Н. Ф., Прохоров Г. М. Епифаний Премудрый // *Словарь книжников и книжности Древней Руси* / Ред. Д. С. Лихачев. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 211—220.
- Епифаний Премудрый. Житие св. Стефана еп. Пермского / Ред. В. Г. Дружинин. СПб., 1897. 7 + 112 с.
- Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989. 296 с.
- Коновалова О. Ф. «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV в.: (к вопросу о соотношении) // *ТОДРЛ*. Л., 1966. Т. 22. С. 101—111.
- Коновалова О. Ф. Об одном типе амплификации в Житии Стефана Пермского // *ТОДРЛ*. Л., 1970. Т. 25. С. 73—81.
- (Кривошеин В.) Василий, монах. Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы / Пер. с франц. // *Журнал Московской патриархии*. 1986. № 3. С. 67—70.
- Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV—начало XV в.). М.; Л., 1962. 170 с.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979. 360 с.
- Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. 145 с.
- Мейендорф И. Ф. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в. // *ТОДРЛ*. Л., 1974. Т. 29. С. 291—305.
- Мейендорф И. Ф. Введение в святоотеческое богословие: (конспекты лекций) / Пер. с англ. Нью-Йорк, 1985. 357 с.
- Минин П. Главные направления древне-церковной мистики. Сергиев Посад, 1915. 87 с.
- ПДР: XIV—XV в. / Сост. и ред. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. М., 1981. 606 с.
- Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. 205 с.
- Петрова В. Д. Отражение принципа синтаксического параллелизма Псалтыри в «Житии Стефана Пермского» Епифания Премудрого // *Вест. ЛГУ*. Л., 1986. Сер. 2. Вып. 2. С. 61—65.
- Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. // *ТОДРЛ*. Л., 1968. Т. 23. С. 86—108.
- Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1978. 238 с.
- Прохоров Г. М. Поэтическое приложение к Духовной грамоте митр. Киприана и другие ритмизованные тексты // *Армянская и русская средневековые литературы* / Ред. Д. С. Лихачев. Ереван, 1986. С. 182—214.
- Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. Л., 1987. 293 с.
- Ринберг В. Л. К проблеме древнего связного текста в трудах А. А. Потебни // *Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка*. 1988. № 6. С. 571—576.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси / Ред. Д. С. Лихачев. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. 516 с.
- Спивак Д. Л. Многослойный текст (цзин) как типологическая универсалия // *Шестнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл.* М., 1985. Ч. 1. С. 225—230. (Институт востоковедения АН СССР).
- Спивак Д. Л. Язык при измененных состояниях сознания. Л., 1989. 88 с.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1. 1419 + 49 с.
- Улуханов И. С. О языке Древней Руси. М., 1972. 135 с.
- Фрайданк Д. К сущности и предпосылкам стиля «плетения словес» // *Ученицы и последователи на Евтимий Търновски. Втори международен симпозиум* / Ред. П. Русев. София, 1980. С. 89—93.
- Silent Poetry. Essays in Numerological Analysis / Ed. A. Fowler. London, 1970. 260 p.